

гии // Известия Уральского гос. университета. № 20. Гуманитарные науки. История. Филология. Искусствознание. Вып. 4. Екатеринбург, 2001. С. 54—59.

Толстая 2002 — Толстая С. М. Семантическая модель родства в славянском народном календаре // Славяноведение. 2002. № 1. С. 23—26.

Толстая 2004 — Толстая С. М. Персонализация праздников в славянской народной культуре // Праздник — обряд — ритуал в славянской и еврейской культурной традиции. М., 2004. С. 21—33.

Тульцева 2001 — Тульцева Л. А. Рязанский месяцеслов. Круглый год праздников, обрядов и обычаев рязанских крестьян. Рязань, 2001.

Черных 2006 — Черных А. В. Русский народный календарь в Прикамье. Праздники и обряды конца XIX — середины XX в. Пермь, 2006. Часть I. Весна, лето, осень.

Черных 2008 — Черных А. В. Русский народный календарь в Прикамье. Праздники и обряды конца XIX — середины XX в. Пермь, 2008. Часть II. Зима.

Черных 2009 — Черных А. В. Русский народный календарь в Прикамье. Пермь, 2009. Часть III. Словарь хрононимов.

Ясинская 2003 — Ясинская М. В. «Варвара варит, Герман гремит». Народно-этимологическая интерпретация имен святых // Живая старина. 2003. № 3. С. 5—7.

Сокращения

КЛАРНГ — картотека Лексического атласа русских народных говоров. Институт лингвистических исследований РАН. Санкт-Петербург.

КСГРС — картотека Словаря говоров Русского Севера. Кафедра русского языка и общего языкознания Уральского гос. университета. Екатеринбург.

ЛКТЭ — лексическая картотека Топонимической экспедиции УрГУ. Кафедра русского языка и общего языкознания Уральского гос. университета. Екатеринбург.

Summary. The article examines popular interpretation of Russian chrononyms in small folklore genres (mainly proverbs, sayings). Special attention is given to mechanisms of national etymology in chrononyms and its influence on folklore and practice culture code and chrononyms system (formal and motivational variation).

Key words: *linguofolkloristics; ethno-linguistics; dialectology; chrononyms; calendar proverbs; national etymology.*

УДК 811.16; 398.332.1; 398.3; 615.89
ББК 81.2; 82.3(2); 63.5

В. Б. КОЛОСОВА
(Санкт-Петербург)

МОТИВАЦИИ СЛАВЯНСКИХ НАЗВАНИЙ РАСТЕНИЙ, ОБРАЗОВАННЫХ ОТ ЗООНИМОВ

Аннотация. В статье рассмотрены признаки растений, благодаря которым в славянских диалектах они стали ассоциироваться с теми или иными животными. Народные фитонимы отражают многогранные и разнообразные связи мира растений и мира животных, осмысленные человеком в метафорической форме. Там, где это актуально, приводятся также сведения фольклорного, этнографического и мифологического характера.

Ключевые слова: *фитоним, зооним, признак, мотивация, этнолингвистика, этноботаника, диалектология, славистика.*

Среди названий трав и цветов встречается большое количество слов, принадлежащих к другим лексико-семантическим группам. Среди слов, от которых образованы названия растений, встречаются имена собственные и термины родства, названия растений и животных, частей тела, названия различных предметов обихода. Взаимодействие растительного кода традиционной культуры с другими ее кодами уже привлекало внимание исследователей. Так, библейские мотивы в народной ботанике рассматривались И. В. Родионой [Родионова 2002], антропонимический код — в статье М. Малохи [Малоха 2005], термины родства в названиях растений (на сербском материале) — в работе М. Белетич [Белетић 1996].

Данная статья посвящена вопросу пересечения двух кодов традиционной культуры: растительного и териоморфного. Этот вопрос затрагивался ранее в диссертации С. Ю. Дубровиной [Дубровина 1991], а также в отдельных ее статьях [Дубровина 2010, Дубровина 2012]. Следует отметить, что данная тема интересует не только славистов, но и других филологов: так, И. В. Брод-

ский проанализировал финноугорские фитонимы, образованные от названий медведя и коровы [Бродский 2007; Бродский 2012]; Т. ван Ассельдонк рассмотрел «свинные» растения во французском, немецком, голландском и фламандском языках [Asseldonk 2004]; Т. Б. Хабер — фитонимы, образованные от названий собаки в британском и американском вариантах английского языка [Haber 1963]. Однако данную тему можно изучать не только с помощью анализа фитонимов, связанных с тем или иным конкретным животным, но и с точки зрения признаков растений, которые вызывают ассоциации с животными вообще. Культурная семантика отдельных признаков уже давно привлекает внимание ученых-гуманитариев, а изучение «качественных или функциональных характеристик, которые могут быть квалифицированы как признаки», оказывается не менее важным, чем изучение предметных и акциональных символов традиционной культуры [Толстая 2002, 7—8].

Целью статьи является рассмотрение мотивирующих признаков, в соответствии с которыми в создании славянских диалектных фитонимов (названий растений) используются зоонимы (названия животных). Материалом для исследования послужили словари диалектных фитонимов различных славянских языков, а также специальная литература, посвященная фольклорным и этнографическим аспектам народной ботаники. На данный момент не представляется возможным сделать статистические выводы об относительной значимости того или иного признака в номинации славянских фитонимов, поскольку для этого пришлось бы сначала выявить все отзоонимные названия, что, очевидно, является отдельной большой задачей; кроме того, далеко не всегда ясно, какой именно признак лег в основу того или иного фитонима в каждом конкретном случае.

В результате анализа фитонимов различных славянских диалектов было выделено 17 мотивационных групп.

1) Растение служит **пищей** животному. Названия рус. *свиновник*, *свинячья радость* (Перм.) ‘молочай’ [Русинова, Богачева 2003, 118], укр. *свиняче зілля* ‘горец птичий *Polygonum aviculare* L.’

[Носаль, Носаль 1960, 89] возникли благодаря тому, что указанные растения используются на корм свиньям. Бел. *зубраўка*, *зубрава трава* ‘зубровка душистая *Hierochloa odorata* Wah.’ служит пищей зубрам в Беловежской пуше [Ганчарык 1927, 195]. В Воеводине татарник колючий *Oporordon acanthium* L. получил название србх. *магаређију трн*, *магаређа бода*, *магаређа боца* (букв. «ослиная колючка»), поскольку это колючее растение годится на корм лишь ослам [Шпис-Ђулум 1995, 413, 464]; ср. «Конёвник така дудка сидит, кони едят ее» (Крив.) [Арьянова 2, 94].

2) Место обитания растения совпадает с **местом** обитания животного, при этом названия растений могут опосредованно отражать место их произрастания. Например, для всех славянских языков типично образование названий водных, болотных растений от слов со значением ‘лягушка’ или ‘жаба’. Так, калужница болотная *Caltha palustris* и вахта трехлистная *Menyanthes trifoliata* называются укр. *жабник*, а зеленая тина — *жабур*; отмечены также фитонимы србх. *жабѡкрек* ‘нитчатка водяная *Conferva* L.’, чеш. *žabník*, *žabinec*, *žabi tráva* (для ряски, звездчатки, гореца, частухи, болотника, очного цвета) [Меркулова 1963, 74], рус. *лягушатник*, *лягушачий цветок*, *лягушачье мыло* для калужницы болотной, со следующей мотивацией: «В озере растёт. Лягуши в ём живут» (Яшк. Кемер.); «Лягушачья трава всё по болотам растёт» [Арьянова 1, 107].

3) Форма органа растения совпадает с **формой** органа животного. Растения, имеющие вытянутые, удлиненные органы, очень часто получают названия типа ‘название животного + хвост’: србх. *мишију реп* (букв. «мышинный хвост») ‘лисохвост луговой *Alopecurus pratensis* L.’, *мачков реп*, *мачју реп* (букв. «кошачий хвост») ‘timoфеевка луговая *Phleum pratense* L.’ [Шпис-Ђулум 1995, 418]. Вероятно, также формой стебля, несущего соцветие-колос, объясняются названия болг. *миша опашка* (букв. «мышинный хвост») ‘подорожник *Plantago*’ [Ахтаров 1939, 240—241].

Растение копытень европейский имеет листья, похожие по форме на конское копыто, и носит названия рус. *копытень* (Вел. Росс.), укр. *копитняк*,

підкопитник, србх. *копитњак*, *коњско копито*, словен. *koritnik*, болг. *koritnjak* [Анненков 1878, 51; Machek 1954, 53; Носаль, Носаль 1960, 35; Чајкановић 1985, 136]. По тому же принципу образовані фитоніми србх. *копитњак*, *коњско копито*, *оселско копито*, пол. *куруто* ‘мать-и-мачеха обыкновенная’, так как растение имеет схожую с копытом форму листьев [Носаль, Носаль 1960, 120; Чајкановић 1985, 192]. Названия некоторых трав обусловлены играми, в которых их использовали дети, например *петушки-или-курочки* ‘вейник Лангсдорфа’ (соцветие резким движением пальцев снимается со стебля; в зависимости от формы получившегося пучка он называется «петушком» или «курочкой»): «Ак с детства имя играли, колосок срываши и спрашиваши: “Петушок ли курочка?” Еси длинный хвост останетца — петушок, еси короткий — курочка. Надо отгадать» (Североур.) [Коновалова 2000, 157].

Подорожник ланцетолистный, помимо прочих имен, относящихся к другим видам (подорожники большой и средний нередко вообще не различаются в народе), имеет названия, обусловленные вытянутой формой листьев: срб. *зечије уши* (букв. «заячьи уши»), *ћурков слинац* (букв. «индюшачья сопля»), *ћуркова креста* (букв. «индюшачий гребень») [Шпис-Ћулум 1995, 419]. Сравнение колючих плодов лопушника *Arctium* и бодяка огородного *Cirsium oleraceum* с ежом стало основанием для чеш. *jezek* [Hladká 2000, 124–125], как и для болг. *трън-таралеж* ‘мордовник *Echinops*’ [Ахтаров 1939, 32].

4) Поверхность растения. Те растения, чьи плоды в силу строения поверхности обладают способностью цепляться к одежде, волосам людей, шерсти животных, носили соответствующие образные названия: *собачка*, *собачки* ‘гравилат прямой *Geum strictum* Ait.’ — «Собачки прицепляются» (Юрг. Кемер.); *собачка* ‘липушка ежевая *Lappula echinata* Gilib.’ — «Собачка к платью прилипает» (Топк. Кемер.) [Арьянова 1, 66; 2, 28], ср. *собачка* ‘народное название многих растений с плодами, снабженными цепкими щетинками, крючками и т. п., а также название плодов этих растений’ [СРНГ 39, 149].

Сербский фитоним *циганске бубе* (букв. «цыганские букашки») ‘череда трехраздельная *Bidens tripartitus* L.’ обусловлен свойством плодов цепляться за человека и животных и колоть их, подобно насекомым [Шпис-Ћулум 1995, 417, 423].

5) Цвет органа растения совпадает с **цветом** органа животного. Белый цвет лепестков ветреницы лесной *Alemone silvestris* отразился в болгарском фитониме *овчо руно* (букв. «овечья шерсть») [Ахтаров 1939, 32]. По сходству цвета сока одуванчика с цветом молока в говорах возникла целая группа названий, связанных с коровами и доением: *коровяк* (Тамб.), *коровник* [Дубровина 1999, 61–62]. Данная ассоциация повлияла на возникновение некоторых приемов молочной магии; так, в Сербии молочай *Euphorbia* получил название *млечика* и считался влияющим на удои коров. На Вознесение перед дойкой коров украшали молочаем — на шее, на лбу и возле живота, а после доения его снимали [Чајкановић 1985, 174]. То же поверье существует и в Полесье: «Молочјак коровам рвом, јак сметанки звэрху нэма» [Бейлина 1968, 426].

Особенно интересные случаи двойной мотивации, когда название растения обусловлено двумя его признаками одновременно. Такие случаи можно выделить в отдельные подгруппы.

5а) Цвет + время. Хорошим примером может служить составной фитоним *кукушкины слезки*. Как отмечала С. Ю. Дубровина, «большинство названий растений орнитологической лексико-семантической подгруппы “кукушка” принадлежит травам семейства орхидных или близких орхидным семейств, например семейству касатиковых. <...> Внешние особенности растений, время цветения, употребление мифологизированы и ставятся в зависимость от оперения и условий жизни птицы. Самым распространенным и мифологически значимым является термин “кукушкины слезки» [Дубровина 1991, 16–17]. Листья некоторых видов (ятрышник пятнистый, ятрышник мужской, ятрышник широколистный) покрыты темными крапинками. Они, очевидно, и вызвали к жизни группу приведенных выше названий, основанных на сходстве пестрой окраски растений

и пестрого оперения кукушки. Совпадение времени цветения ятрышника с временем кукования кукушки дополнило ассоциативную связь. На мотивацию названия временем цветения растения в то время, когда весной кукует кукушка, указывал и В. Махек [Machek 1954, 299].

Мотив девушки или женщины, обращенной за какие-либо грехи в кукушку, характерен для всей славянской территории и реализуется, в частности, в этиологических рассказах, например: «У белорусов сохраняется предание, что некогда праздновалась свадьба, и вдруг неожиданно-негаданно среди шумного веселья, жених и все прочие мужчины были превращены чародеем в волков, женщины — в сорок, а невеста — в кукушку; с той самой поры эта горемычная кукушка носится следом за своим суженым и роняет несчетные слезы; там, где она пролетает, текут ручьи и растет трава, известная под названием “кукушечьих слез”» [Афанасьев 1994 (3), 551]. Схожий мотив встречается и в современных записях: «точки крапчатые на листочках ешь, вот на слезки и находит на кукушки, плачет теперя, што детей бросила, это така сказка ешь» [Коновалова 2000, 115]. Мотив плачущей кукушки обусловил и применение растения: «В разных местах растение используется в качестве противовоспалительного средства при лечении глазных заболеваний. Настоем протирают глаза, приговаривая: „Кукушкины слезки, кукушкины слезки, сделайте, чтоб у рабы божьей (имярек) не болели глазки“ и т. п.» (Урал) [Там же, 116].

5б) Цвет + форма. Горец змеиный, чье длинное изогнутое корневище отличается красноватым цветом и покрыто многочисленными поперечными рубцами, носит названия рус. *раковые шейки*, *рачьи шейки* (Моск., Ряз.), бел. *рачки* (Смол.), укр. *раковы шейки*, *рачки*, *ракові шийки*, *рачешейки* [Августинович 1853, 53; Анненков 1878, 264]. Зеленый цвет в сочетании с характерной формой листьев послужил основой для метафорического болгарского фитонима *жабица* ‘зеленый цветок с мясистыми листьями’ [Бизеранова 2003, 46].

6) Растение используется как лекарство для животного. Поскольку народ-

ная ветеринария, как и народная медицина, широко пользуется травами, то в их названиях (наряду с названиями болезней, больных органов или симптомов заболевания) используются названия «пациентов». Так, с употреблением полыни для лечения лошадей связаны фитонимы *кобыльник* (Перм.) ‘полынь *Artemisia*’ [Русинова, Богачева 2003, 118], болг. *комоника*, хорв. *komonika* [Ахтаров 1939, 107], србх. *komonika*, *komonjika*, *komonka* [Šulek 1879, 498] ‘полынь обыкновенная *Artemisia vulgaris* L.’ Известны многочисленные славянские названия с корнем *комон-* для растений, которыми лечат лошадей [БЕР 2, 574].

7) Растение наносит вред животному. Ковыль волосатик (*Stipa capillata* L., *Stipa pennata* L.) получил названия *иголка* и *овечья смерть* [Анненков 1878, 344]; это объясняется тем, что семена растения с «винтовым стержнем», попадая в овечью шерсть, зарываются в кожу животных, причиняя им боль и вызывая воспаление [Автамонов 1902, 261—262].

7а) Вредоносность + цвет + применение. Многочисленны, особенно у восточных славян, фитонимы типа *куриная слепота*, *курачья слепота*, *курослеп*, *слепокурник*, укр. *курача сліпота*, *болотне слепокурник зілле*, бел. *куруная сыляпата*, *курачка сыляпата*, *кураслеп*, *кураслеп жоўты* ‘лютик *Ranunculus*’ [Анненков 1878, 289—291; Ганчарык 1927, 200]. Оснований номинации в этом случае может быть несколько. Первое — внешний вид растения, точнее, его цвет: «У *куриной слепоты* просто цветки желты, как куричы глазки, а куры дальше своёво носа не видят, вот и зовется так» (Михайл.) [Коновалова 2000, 117—118]. Травы, носящие названия типа *курослеп* или *куриная слепота*, применялись (в разных формах) от болезни *куриная слепота* (ухудшение зрения в сумерках). Так, ветреница лесная «в Витебской губ. называлась курослеп. Отваром ее промывали глаза при куриной слепоте»; в Казанской губернии под именем куриная слепота от этой болезни применяли лютик многоцветковый в виде припарок на глаза [Торэн 1996, 42, 65, 181]; там же распаренную траву *куриной слепоты* (лютик едкий *Ranunculus acris* L.) прикладывали к глазам «от куриной

слепоты (когда больной вечером, после захода солнца, плохо видит)» [Крылов 1882, 34]. Однако существует и прямо противоположная мотивация: растения с таким названием не излечивают куриную слепоту, а, напротив, являются ее причиной: «*Caltha palustris* в простонародье у нас называют „курослепом“». В глазах народа он является воплощением болезни куриной слепоты... Болезнь и цветок отождествляются» [Познанский 1995, 187]. Схожие представления отмечены для растения *куриная слепота/курослеп* (не отождествлено): «Кураслеп куры паядят и видеть будут плоха» (Красноуф.) [Коновалова 2000, 117].

8) Растение лечит от вреда, нанесенного животным. Данная группа фитонимов образована от названий живых существ, послуживших причиной заболевания: так, *змеевка*, *ужовка* 'истод обыкновенный *Polygala vulgaris* L.' употреблялась в Казанской губернии «для припарки от ужала змеи или ужа»; под названием *змеевка* известна была также и зубчатка осенняя *Odontites rubra* Pers., которую применяли с той же целью [Крылов 1882, 23–24]. В Могилевской губернии *червивец* 'аистник цикутолистный *Erodium cicutarium* L.' применяли «для присыпки червивых ран у скота» [Анненков 1878, 136].

9) Размер растения и животного. Как правило, растения большой высоты, с крупными стеблями, листьями получают названия от крупных животных: рус. *медведок*, *медвежка*, *медвежья дудка* — различные виды дягиля *Archangelica* (Ср. Урал., Кыштов. Новосиб. Свердлов. Борович. Новг.). Внешний вид дягиля описывается в словарной иллюстрации: «Медведок растет в поле, вроде пучки, только стебель у нее толще, почти в руку» (Ср. Урал.) [СРНГ 18, 66, 67, 69]. Коровяк *медвежье ухо* *Verbascum thapsus* L. носит названия *медвежья трость* (Урал.), *медвежий цвет* (Сарат.), *медвежник мелкий* (Нижегор.) [СРНГ 18, 67–69]. Крупные корзинки астры послужили поводом для возникновения украинского фитонима *волове око* [Рогович 1874, 113]. Чернокорень лекарственный *Synoglossum officinale* L., имеющий крупные листья и толстый корень, получил название србх. *кравуји језик* (букв. «коровий язык») [Симоно-

вић 1959, 157]. Напротив, растения небольшого размера, как правило, получают названия по маленьким животным. Так, для первоцвета кортузовидного *Primula cortusoides* L. отмечено название *мышатник* (Ср. Приобье) [Арьянова 2, 76], для подорожника *Plantago* — болг. *миша опашка* (букв. «мышинный хвост») [Ахтаров 1939, 240–241]. Часто ассоциируется с зайцем кислица обыкновенная *Oxalis acetosella* L.: *заячья капуста* (Калуж., Курск.), *заячья капуста* (Перм.), *заячья кисленка* (Вят.), *заячья соль* (Волог., Костром.), *заячий щавель* (Смол., Курск.) [СРНГ 11, 204–206].

10) Ядовитые свойства растения. Такие растения чаще всего получают названия либо от корня *змея*-, либо от названия какого-либо опасного животного (или же имеющего в традиционной культуре негативный образ). Так, из-за ядовитого сока молочай *Euphorbium* получил названия русин. *psieczce moloczko* (букв. «собачье молоко»), чеш. *žabi mléko* (букв. «жабье молоко»), чеш. *vlčí mléko*, луж. *wjelce mlóko* (букв. «волчье молоко») [Анненков 1878, 139]. Различные виды аронника получили названия болг. *змийска хурка* (букв. «змеиная прялка») 'аронник итальянский *Agum italicum* Mill.', *змиярник*, *змийско грозде* (букв. «змеиный виноград») 'аронник пятнистый *Agum maculatum* L.' [Ахтаров 1939, 395].

11) Негативное отношение к растению. В эту группу входят вредные, колючие сорняки, которые сравниваются также с вредным животным; данная модель демонстрирует примечательное единообразие в разных группах славянских языков: *волчец* 'чертополох *Carduus*; бодяк полевой *Cirsium arvense* Scop.; осот *Sonchus*' [Анненков 1878, 84, 99–100, 336], *волчок* (Лит.) 'волчец *Cnicus*' [СРНГ 5, 81], болг. *вълчец* 'чертополох курчавый *Carduus crispus* L.; бодяк *Cirsium*' [Ахтаров 1939, 136, 348], србх. *вучјак* 'чертополох *Carduus*', чеш. *vlky* 'лопушник *Arctium*' [Анненков 1878, 84, 185].

12) Признаки «дикий», «чужой». Даже такие растения, которые не являются ядовитыми для человека, нередко получают «зверинные» имена, поскольку растут в неосвоенном, диком простран-

стве, противопоставленном культурному, человеческому. Так, лихнис — татарское мыло *Lychnis chalconica* L. носит такие названия, как *собачье мыло*, *медвежье мыло* [Арьянова 1, 62], *кукушкино мыло* (Самар.) [Анненков 1878, 200]. Гриб дождевик *Lycoperdon* получил названия *медвежий дым* (Среднеоб.), *медвежья бани* (Влад.), *медвежье курево* (Перм.) [Арьянова 1, 76; Подюков 2012, 16, 64; ВОС 2012, 81].

13) Суррогатные свойства растения. В эту группу можно отнести такие номинации, как *конская кислица* ‘щавель конский *Rumex confertus* L.’, *заячья капуста* ‘кислица обыкновенная *Oxalis acetosella* L.’, а также такие названия дикорастущего лука и чеснока, как *гусиный лук*, *мыший чеснок*, *заячий чеснок* [Меркулова 1967, 132]. В ней часто встречаются растения, пищевая ценность которых невелика, поэтому в обычное время они используются в качестве еды только детьми, хотя их употребление может возражать во время войны, голода, неурожая и т.д. [Меркулова 1967, 23].

14) Отсутствие или недостаточная выраженность признака. Этот тип номинации встречается в том случае, когда растение похоже на другое растение, но не обладает его типичным признаком. Так, отсутствие ожидаемого характерного запаха при общем внешнем сходстве с мятой отмечено в фитониме *собачья мята* ‘будра плюшевидная *Glechoma hederacea* L.’ и подкрепляется словарной иллюстрацией: «Собачья мята, она такая мята, токо не пахнет» (Ср. Приоб.) [Арьянова 1, 44]. Пустырник сердечный *Leonurus cardiaca* L., внешне похожий на крапиву, но не жгучий, получил название *собачья крапива* (бол. ч. Росс.) [Анненков 1878, 191].

15) Растение служит средством борьбы с животным. *Мольная трава* (Алт.) ‘донник *Melilotus* L.’ служит народным средством от моли, отчего и получила свое название [Голев 1983, 83]. С помощью мяты болотной *Mentha pulegi* L. избавлялись от блох, поэтому она носила названия *блоховник*, *блохогонка* (Екат.), *блошник* [Анненков 1878, 215]; ср. *блошник* ‘багульник болотный *Ledum palustre* L.’ — «А блошник вроде как от

блох. Вместо нафталина клали» (Том. Том.) или *мухомор* ‘живокость высокая *Delphinium elatum* L.’ «Мы их в букеты собирали, дома ставили. От их мухи и дохли» (Том. Том.) [Арьянова 1, 25, 86].

16) Растение выступает обрядовым символом в обряде с соответствующим названием. Показательным примером в данной группе может служить растение *кукушка* или *кукушкины слезки*, используемое в обряде «крещение и похороны кукушки». Этот фитоним может относиться к разным денотатам, в зависимости от того, какое растение используется в обряде в той или иной локальной традиции. Распространенный на сравнительно компактной территории — в основном в южнорусских губерниях — обряд обычно заключался в девичьем кумовстве с «кукушкой», в роли которой мог выступать целый ряд предметов — от настоящей птицы (кукушки, воробья) или орнитоморфного чучела до отдельного экземпляра какого-либо растения, украшенной ветки или венка, шалашика из ветвей и травы, сшитой из лоскутков куклы или даже девушки с поднятыми и обмотанными платком руками. Из растений использовались такие, как *кукушка* (Дмитр. Орл.) ‘подорожник *Plantago*’, *кукушкины слезки* (Козел., Перемышл., Калуж.) ‘ятрышник широколистный *Orchis latifolia* L.’, *кукушкины слезки* (Новосил. Тул.; Трубч. Орл.) ‘?’ , *кукушка* (Щигров. Курск.) ‘?’ [Колосова 2009, 209, 262—263].

17) В некоторых случаях растение ставится в связь с животным, однако при этом не получает названия, отражающего эту связь. Так, в Черниговской губернии считали, что лучше использовать те травы, «котре не чуе пивнячого гласу», то есть растут в тех местах, куда не достигает крик петуха [Гринченко 1895, 36]; в Лесковацком Поморавье на Юрьев день шли собирать травы, «куде се пет’л не чује и мачка не про’оди» («где не слышно петуха и где не ходит кошка») [Ђорђевић 1958, 378].

Особый интерес представляют случаи «ситуативной синонимии» зоонимов и других прилагательных, определяющих фитоним, в частности, этнонимов. Так, крапива двудомная *Urtica dioica* L. одновременно именуется *кра-*

пива свиная и остякая крапива (Ср. Приоб.) [Арьянова 1, 135—136]. Уже упомянутая лихнис, помимо отзоонимных названий, называется также *китайское мыло*, *остяцкое мыло*, *татарское мыло*, *цыганское мыло* (Ср. Приоб.) [Арьянова 1, 62], ср. также фитонимы *татарское мыло* и *девичье мыло* (Вят.) для того же растения [Анненков 1878, 200]. Кислица обыкновенная *Oxalis acetosella* L. в болгарских говорах может называться *грѣцки киселец* и *зайцовъ киселец* (букв. «греческий шавель» и «заячий шавель» соответственно) [Ахтаров 1939, 136, 222, 226, 319]; для люпина отмечены названия ст.-пол. *wilczy groch* и *wloski groch* («волчий горох» / «итальянский горох»), ст.-чеш. *vlčí hrych* и *řimskí hrych* («волчий горох» / «римский горох») [Machek 1954, 117].

Итак, при наличии одной семантической модели — ‘название животного’ → ‘название растения’ — ее реализация с точки зрения мотивации фитонимов может иметь очень высокую степень вариативности. При этом, поскольку одно растение обладает несколькими признаками, оно может попасть более чем в одну мотивационную группу — например, кислица может попасть в разряд «заячьих» трав как по признаку размера, так и по месту произрастания (в лесу). С другой стороны, разные растения, обладающие одним и тем же признаком, могут получить одинаковые или схожие наименования, как было показано на примере водных растений и растений, применяемых для изгнания домашних паразитов.

В заключение хотелось бы сказать несколько слов о дальнейших перспективах подобных исследований. При наличии достаточно большого ряда таких работ, выполненных на материале одного определенного языка / группы родственных языков появится возможность компаративных и/или типологических исследований отражения конкретного кода традиционной культуры в народной ботанике этносов, относящихся к разным языковым семьям. Так, было бы крайне интересно сравнить «удельный вес» того или иного признака, играющего роль в отзоонимной номинации, в славянских, финно-угорских, германских, романских и прочих диалектных фитонимах.

Литература

- Августинович 1853 — *Августинович Ф. М.* Одикорастущих врачебных растениях Полтавской губернии // Труды комиссии высочайше учрежденной, при Императорском ун-те св. Владимира для описания губерний Киевского учебного округа. Т. 2. Киев, 1853. С. 1—91.
- Автамонов 1902 — *Автамонов Я. А.* Символика растений в великорусских песнях // Журнал Министерства народного просвещения. 1902. Ч. 344. № 11. Ноябрь. С. 46—101; № 12. Декабрь. С. 234—288.
- Анненков 1878 — *Анненков Н.* Ботанический словарь. СПб., 1878.
- Арьянова — *Арьянова В. Г.* Словарь фитонимов Среднего Приобья. Томск, 2006. Т. 1; 2007. Т. 2; 2008. Т. 3.
- Афанасьев 1994 (3) — *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. М., 1994. Т. 3.
- Ахтаров 1939 — *Ахтаров Б.* Материали за български ботаничен речник. София, 1939.
- Бейлина 1968 — *Бейлина Д. А.* Материалы для полесского ботанического словаря // Лексика Полесья. Материалы для полесского диалектного словаря. М., 1968. С. 415—438.
- БЕР — *Български* этимологичен речник. Т. 1—4. София, 1971—.
- Бизеранова 2003 — *Бизеранова С.* За някои фитоними в говора на Ново Село, Видинско // Растителният и животинският свят в традиционната култура на българите. Стара Загора, 2003. С. 42—55.
- Бјелетић 1996 — *Бјелетић М.* Од девет брата крв (фитоними и термини сродства) // Кодови словенских култура. 1996. Број 1. Година 1. Бильке. С. 89—101.
- Бродский 2007 — *Бродский И. В.* «Медвежья» фитонимы в финно-угорских языках // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2007. СПб., 2007. Ч. 1. С. 85—90.
- Бродский 2012 — *Бродский И. В.* Зоосемизмы — названия коровы, быка, теленка в составе финно-пермских фитонимов // Севернорусские говоры. Вып. 12. Межвуз. сб. / отв. ред. А. С. Герд. СПб., 2012. С. 206—220.
- ВОС 2012 — Владимирский областной словарь: лексика природы / Р. С. Канунова, Е. М. Матсапаева, К. В. Епифанова. Владимир, 2012.
- Ганчарык 1927 — *Ганчарык М. М.* Беларускія назовы расьлін. Ч. 1 // Праца Навуковага таварыства па вывученню Беларусі. Т. II. Горы-Горкі, 1927. С. 194—216; Ч. 2 // Праца Навуковага таварыства па вывученню Беларусі. Т. IV. Горкі, 1927. С. 1—28.
- Голев 1983 — *Голев Н. Д.* Вопросы отождествления, классификации и номинации в русской народной лексике флоры и фауны (Наблюдения над ролью прагматического

фактора) // *Говоры русского населения Сибири*. Томск, 1983. С. 76—87.

Гринченко 1895 — *Гринченко Б. Д.* Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседних губерниях. Т. 1. Чернигов, 1895.

Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1989—1991.

Дубровина 1991 — *Дубровина С. Ю.* Русская ботаническая терминология в этнолингвистическом освещении (на материале названий растений, образованных от названий животных и птиц). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1991.

Дубровина 1999 — *Дубровина С. Ю.* Ботаническая лексика в тамбовских говорах // *Материалы к лингво-фольклорному атласу Тамбовской области*. Тамбов, 1999. С. 59—68.

Дубровина 2010 — *Дубровина С. Ю.* Зоонимные названия растений. Воловские и «воловы» травы // *Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*. 2010. Т. VI. Ч. 1. С. 62—68.

Дубровина 2012 — *Дубровина С. Ю.* Русские названия растений, производные от орнитонима «воробей», на общеславянском фоне // *Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования)* 2012. СПб., 2012. С. 358—372.

Борђевић 1958 — *Борђевић Д. М.* Живот и обичаји народни у Лесковачкој Морави // *Српски етнографски зборник*. Књ. 70. Београд, 1958.

Колосова 2009 — *Колосова В. Б.* Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект. М., 2009.

Коновалова 2000 — *Коновалова Н. И.* Словарь народных названий растений Урала. Екатеринбург, 2000.

Крылов 1882 — *Крылов П.* Некоторые сведения о народных лекарственных средствах, употребляемых в Казанской губернии // *Труды общества естествоиспытателей при Императорском Казанском Университете*. Казань, 1882. Т. 11. Вып. 4.

Малоха 2005 — *Малоха М.* Народные названия растений, мотивированные антропонимами // *Studia Rusycystyczne Akademii Świętokrzyskiej*. Т. 15. Pod red. K. Lucynskiego. Kielce, 2005. S. 221—230.

Меркулова 1963 — *Меркулова В. А.* Слав. *zab-; праслав. *žagovъjъ ‘высокий, прямой’ // *Этимология*. М., 1963. С. 72—80.

Носаль, Носаль 1960 — *Носаль М. А., Носаль І. М.* Лікарські рослини і способи їх застосування в народі. Київ, 1960.

Подюков 2012 — *Грибы Прикамья в народных названиях и описаниях: словарь диалектных названий грибов / под ред. И. А. Подюкова*. Сост. Л. А. Пермякова, И. А. Подюков. Пермь, 2012.

Познанский 1995 — *Познанский Н.* Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. М., 1995.

Рогович 1874 — *Рогович А. С.* Опыт словаря народных названий растений Юго-Западной России, с некоторыми поверьями и рассказами о них. Киев, 1874.

Родионова 2002 — *Родионова И. В.* Библейские мотивы в народных названиях растений // *Живая старина*. 2002. № 2 (34). С. 38—39.

Русинова, Богачева 2003 — *Русинова И. И., Богачева М. В.* Фитонимическая лексика говоров Пермской области // *Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования*. 2000. СПб., 2003. С. 116—127.

Симоновић 1959 — *Симоновић Д.* Ботанички речник. Имена биљака. Српска академија наука. Посебна издања. 1959. Књ. СССХVIII. Институт за српскохрватски језик. Књ. 3. Београд, 1959.

СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Вып. 1—. М.; Л., 1965—.

Толстая 2002 — *Толстая С. М.* Категория признака в символическом языке культуры // *Признаковое пространство культуры*. М., 2002. С. 7—20.

Торэн 1996 — *Торэн М. Д.* Русская народная медицина и психотерапия. СПб., 1996.

Чайкановић 1985 — *Чайкановић В.* Речник српских народних веровања о биљкама. Београд, 1985.

Шпис-Ђулум 1995 — *Шпис-Ђулум М.* Фитонимија југозападне Бачке (коровска флора) // *Српски дијалектолошки зборник*. XLI. Београд, 1995. С. 397—490.

Asseldonk van T — *Asseldonk van T.* HERBS named after PIGS URL: http://www.ethnobotany.nl/herbs_named_pigs.htm

Haber 1963 — *Haber T. B.* Canine terms in popular names of plants // *American Speech*. 1963. № 38. P. 28—41.

Hladká 2000 — *Hladká Z.* Přenesená pojmenování rostlin v českých dialektech. Brno, 2000.

Machek 1954 — *Machek V.* Česká a slovenská jména rostlin. Praha, 1954.

Šulek 1879 — *Šulek B.* Jugoslavenski imenik bilja. Zagreb, 1879.

Summary. *The aim of the article is to analyse the plant features because of which these plants are metaphorically compared with these or those animals in Slavonic dialects. Folk phytonyms reflect various connections of the plant world and the animal world, interpreted by people in a metaphorical form. Data from folklore, ethnography, and mythology are given where necessary.*

Key words: *phytonym, zoonym, feature, motivation, ethnolinguistics, ethnobotany, dialectology, Slavonic studies.*